

Цецен Балакаев

САКУРА
на Патриарших

*В Японии не говорят "я люблю тебя"
Говорят "луна красивая"*

Цецен Балакаев
Сакура на Патриарших

«Автор»

2026

Балакаев Ц. А.

Сакура на Патриарших / Ц. А. Балакаев — «Автор», 2026

Японский пианист Рё живёт в коммуналке – среди криков алкоголика, ночных стуков в дверь сумасшедшей поэтессы и ежедневного ада. Его единственные сокровища – гравюра «Гейша под веткой сакуры» и рисоварка Кото, которой он поверяет тайны. Вера репетирует роль в японской драме и часами рисует себя в кимоно. Однажды в кафе их взгляды встречаются. В голове Рё звучит аккорд. На миг он видит её в кимоно, с веером, под сакурой. Ту женщину с гравюры. Рё не говорит о чувствах – в Японии их выражают иначе. Два года он пишет пьесу «Сакура на Патриарших» – музыку, в которой каждая нота посвящена ей. В день спектакля в Ботаническом саду, когда сакура цветёт, Рё кладёт на рояль вместо нот гравюру. И Вера вдруг понимает: музыка – о ней. Каждая пауза. Каждый аккорд. Это признание длиною в два года. Это любовь, которую можно выразить одним взглядом, одной гравюрой на пюпитре. Окунитесь в атмосферу первых взглядов, робких поцелуев и неловких признаний на фоне цветущей сакуры.

© Балакаев Ц. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
САКУРА НА ПАТРИАРШИХ	6
Предисловие	6
Глава 1. Утро в комнате №6	7
Глава 2. Аккорд в очереди за кофе	11
Глава 3. Семь вёрст до театра	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сакура на Патриарших

Глава

Цецен Балакаев

САКУРА НА ПАТРИАРШИХ

Предисловие

Дорогой читатель.

Эта история родилась не в Токио и не в Москве. Она родилась в голландской деревушке на мансарде, где на стене висела подлинная гравюра Утамары, привезённая из Киото сто лет назад – женщина с веером, склонившая голову. Я смотрел на неё и думал: кого она ждёт? Сколько лет? И дождётся ли?

Потом я подумал о музыке, звучащей во мне всегда и везде. О том, что можно любить молча – два года, десять лет, всю жизнь. И никогда не сказать главных слов, потому что в японской культуре говорить прямо – неприлично. А можно – молчать. А в России – играть. Каждый вечер. Одну и ту же пьесу. Меняя только оттенки, паузы, дыхание.

И о том, как русская девушка может научиться слышать эту тишину. Как она перестаёт ждать громких слов и вдруг понимает: главное уже сказано. В очереди за кофе. В метро на «Кропоткинской». В паузе между *до-диез* и *соль-диез*.

Рё и Вера – выдуманные герои. Но коммуналка, в которой живёт Рё – настоящая. Я знаю такие дома. Я жил в них в Козицком переулке в Москве и на Караванной и Пушкинской улицах в Петербурге. Знаю Фёдоров, Светлан, Кать. Знаю Кото-тян – рисоварку, с которой иностранный студент разговаривает по ночам, потому что больше не с кем. Знаю девочек Алис, которые рисуют гравюры и ждут, когда их заметят.

Эта книга – про них. Про всех, кто живёт в тесноте большого города, но хранит внутри сад. Про всех, кто ждёт. Про всех, кто умеет слышать музыку в тишине.

Сакура цветёт всего несколько дней. Но её память остаётся навсегда.

Не прозевайте своё цветение.

С уважением и лепестком на плече,

Автор.

Глава 1. Утро в комнате №6

В четыре тридцать утра Фёдор закричал.

Рё Сугимото открыл глаза за секунду до первого удара в стену. Он всегда просыпался за секунду. Тело привыкло к коммуналке быстрее, чем разум.

– Сука! – голос Фёдора проходил сквозь двадцать пять сантиметров дореволюционной кладки, как нож сквозь масло. – Свет где ночью жжёшь?! Я кому сказал, шпион долбаный?!

Удар. Ещё удар. Что-то упало на кухне – наверное, кастрюля. Светлана прошептала что-то неразборчивое. Фёдор рывкнул: «Заткнись, дура!» – и снова удар.

Рё лежал неподвижно. Смотрел в потолок. Трещина тянулась от люстры к углу, и если долго всматриваться, она становилась похожа на реку. На какую-нибудь японскую реку с медленным течением. Кацура. Или Камо.

Он закрыл глаза. Открыл.

Повернул голову налево.

На стене, покрытая тонким шёлком, висела гравюра. Шёлк был почти прозрачным, бесплотным – мать купила его в Киото, на рынке Нисики, сказала тогда: «Она не должна видеть пыль». Рё не понял, почему гравюра может видеть. Теперь понимал.

Она видела.

Напротив, на противоположной стене, висело зеркало. Старое, в тяжёлой раме с потрескавшейся позолотой – доставшееся от прежних жильцов. И когда Рё смотрел на гравюру, он чувствовал: из зеркала на его затылок смотрит та же женщина. С той же веткой сакуры. С тем же веером.

Он не боялся. Это было не страшно. Это было... правильно. Как будто она следила, чтобы он не сломался.

– Кото-тян, – прошептал Рё, не поворачивая головы. – Доброе утро.

Рисоварка стояла на маленьком столике у окна. Белая, круглая, гладкая – космический корабль среди советского хлама. Кнопки светились мягким голубым. На боку аккуратная японская надпись: *Zojirushi*. Он купил её в Токио перед самым отъездом, потратив полстипендии. И ни разу не пожалел.

Кото-тян не отвечала. Но Рё чувствовал: она слушает.

– Сегодня я увижу её, – сказал он тихо. – У нас концерт в консерватории. Она придёт. Я знаю.

С кухни донесся новый вопль Фёдора – на этот раз про «япошкину микроволновку, которая жрёт энергию». Светлана всхлипнула. Рё закрыл глаза, подождал. Через минуту всё стихло. Только холодильник гудел ровно, привычно.

Он сел на кровати. Комната была маленькой – двенадцать метров, как камера. Стол, стул, узкая кровать, книжные полки из некрашеного дерева. На полках – ноты Шопена и Скрябина, японско-русский словарь, две книги Достоевского, «Идиот» и «Братья Карамазовы». Больше ничего. Ни телевизора, ни микроволновки, ни плиты. Телефон и ноутбук лежали на столе рядом с Кото-тян. Всё технологичное, что связывало его с миром.

Ну и Кото-тян. Конечно.

Рё встал. Подошёл к гравюре. Осторожно отодвинул шёлк – совсем чуть-чуть, чтобы увидеть её лицо.

Гейша склонила голову. Веер прикрывал нижнюю часть лица – так Утамара любил рисовать, оставляя зрителю домысливать. Из-под веера виднелись пальцы – длинные, тонкие, как у пианиста. Как у него самого.

Внутреннее лицо, – подумал Рё. – *Као*.

Он смотрел на гравюру ровно полминуты. Потом перевёл взгляд в зеркало.

Там, в отражении, женщина смотрела на его затылок. Рё никогда не видел этого взгляда – он же не мог смотреть себе в затылок. Но чувствовал. Каждое утро. Как будто она говорила: *Я здесь. Я вижу. Ты не один.*

Он убрал шёлк на место. Повернулся к Кото-тян.

– Рис.

Кото-тян тихо пискнула, когда он открыл крышку. Рё насыпал рис из мешочка – ровно столько, чтобы хватило на завтрак и маленькую порцию в обед. Залил водой из бутылки: из-под крана нельзя, Фёдор мог что-то подсыпать – или только Рё так думал, но рисковать не стоило. Закрыв крышку. Нажал кнопку.

– *Тик-тик-тик*, – сказала Кото-тян своим электронным голоском. – *Приготовление риса займёт пятьдесят две минуты.*

– Спасибо, – ответил Рё серьёзно.

Он сел за стол, раскрыл ноты. Ноктюрн Шопена до-диез минор. Он играл его тысячу раз, но всё равно проверял – вдруг ошибка. Ошибок не было. Шопен не ошибается.

В коридоре слышались шаги. Детские. Рё узнал их – лёгкие, почти бесшумные, но с притопом. Ваня.

Дверь приоткрылась. Четырёхлетний мальчик с вихром на макушке просунул голову.

– Рё, ты проснулся?

– Проснулся, Ваня-кун, – серьёзно ответил Рё.

– А чего не спишь? – Ваня вошёл, сел на пол, обнял колени. – Там дядя Фёдя кричит. Я боюсь.

– Не бойся, – Рё наклонился, чуть пригладил Ваню вихор. – Он не страшный. Он... больной. Как зуб. Зуб болит? Ты же не боишься зуба? Ты идёшь к врачу.

Ваня подумал. Сказал:

– А ты мой врач?

– Нет. Я музыкант.

– А музыканты лечат?

Рё хотел сказать «нет». Но вспомнил, как вчера играл ноктюрн для Светланы – тихо, когда все спали. Как она слушала, не дыша. Как утром поставила на порог тарелку с пирожками.

– Иногда, – сказал Рё. – Если очень постараться.

В коридоре затопали другие шаги – тяжёлые, размашистые. Алиса. Тринадцать лет, толстая, добрая, вечно с красными щеками после гимнастики.

– Рё-сан! – она ввалилась в комнату, чуть не сбив Ваню. – У нас сегодня соревнования! Вы придёте?

– Во сколько? – спросил Рё.

– В пять. Но вы же заняты...

– После занятий я приду. Обещаю.

Алиса просияла. Она всегда сияла, когда он обещал. Рё не понимал этого – он же ничего особенного не делал. Просто сидел в зале и смотрел, как девочки прыгают через козла. Алиса падала чаще других. Но вставала. И пробовала снова.

Она как сакура, подумал Рё. *Падает, но не ломается.*

Он хотел сказать это вслух, но постеснялся. Слишком громко.

– Я принесу вам своё фото с кубком, – сказала Алиса. – У нас в команде одна девочка заболела, и меня поставили в замену. Если мы выиграем, я получу грамоту. Вы повесите её у себя?

Рё посмотрел на свою стену. Там висела только гравюра – под шёлком, на самом видном месте. И больше ничего.

– Повешу, – сказал он.

Ваня потянул его за рукав: «Сыграй что-нибудь! Ну пожалуйста!» Алиса тоже захлопала: «Да, Рё-сан, сыграйте! Мама сказала, можно, пока они не вернулись!»

Рё вздохнул – для вида. Потом встал и пошёл в большую комнату к Ирине и Григорию. Пианино стояло у окна – старое, немецкое, купленное для Алисиных уроков, но Алиса забросила после пятого класса. Теперь на нём иногда играл Рё.

Он сел. Поднял крышку. Провёл пальцами по клавишам – тихо, чтобы не разбудить остальных. Фёдор, кажется, затих. Светлана возилась на кухне с чайником.

– Что сыграть? – спросил Рё.

– Весёлое! – закричал Ваня.

– Грустное! – сказала Алиса.

Рё подумал. И сыграл то, что написал вчера ночью – мелодию без названия, без нот, только в голове. Она пришла к нему в четыре утра, когда Катя стучалась в дверь и визжала про стихи. Рё заткнул уши, сел на кровать, закрыл глаза – и мелодия пришла. Как спасение.

Он играл её сейчас для детей. Тихо. Осторожно. Оставляя место для пауз.

Алиса замерла. Ваня перестал дрыгать ногой.

В дверях появилась Светлана – с кружкой чая в руках. Посмотрела на Рё. Посмотрела на пианино. И заплакала без звука – только слёзы покатались по щекам, и она быстро вытерла их рукавом халата.

Рё доиграл. Опустил руки на колени.

– О чём это? – спросила Алиса шёпотом.

– О том, – сказал Рё, – что весна придёт. Даже если сейчас зима.

Тонкий слух пианиста уловил, как пискнула Кото-тян – рис сварился.

Рё встал, поклонился детям, вышел. На кухне пахло утренней свежестью и старыми обоями. Фёдор сидел за столом в майке-алкоголичке, пил водку из стакана. Светлана стояла у раковины, мыла посуду. Не оборачивалась.

Рё прошёл к своему столику и взял тарелку. Она была чистой – наверное, Светлана втайне от Фёдора отполировала её.

В комнате его ждала Кото-тян. Он открыл крышку – пар поднялся к потолку, пахло рисом, самым лучшим запахом на свете.

– Спасибо, Кото-тян, – сказал Рё.

– *Приятного аппетита*, – ответила рисоварка своим ровным голосом.

На кухне – было чётко слышно – Фёдор громко сплюнул в раковину.

– С техникой разговаривает. Псих. Шпион псих. Японская морда. Йокосука.

Рё взял миску, положил рис, закрыл крышку.

Из кухни донёсся шёпот Светланы: «Федя, перестань...» и звон разбитой кружки.

Рё плотно закрыл дверь своей комнаты. Сел на кровать. На стене гравюра смотрела на него из-под шёлка. В зеркале – чувство взгляда на затылок. Кото-тян на столе пискнула в последний раз и замолкла.

Он съел рис. Медленно, благодарно, как учила мать: каждый зёрнышко, каждый комочек.

Потом надел чёрный свитер, взял рюкзак с нотами, вышел в коридор. На кухне Фёдора не было – наверное, лёг спать. Светлана сидела на табурете, закутавшись в платок. Увидела Рё, хотела что-то сказать – не сказала. Только кивнула.

Рё поклонился. Вышел на лестницу.

Свежий апрельский воздух ударил в лицо. На улице было холодно, но солнце уже вставало – розовое, нежное, как сахарная вата. Рё посмотрел на голые ветки берёз во дворе.

Сакура ещё не цвела. Но он знал: скоро.

Он пошёл к метро. В голове всё ещё звучала вчерашняя мелодия – та, что пришла в четыре утра. И вдруг, на полпути к станции, он услышал новый звук.

Не снаружи. Внутри.

Аккорд.

Он никогда не слышал его раньше. До-мажор? Нет. Соль? Нет. Что-то среднее, неуловимое, дрожащее – как первый лепесток, который ещё не оторвался от ветки, но уже хочет.

Рё остановился. Закрыв глаза.

– Кто ты? – спросил он у аккорда.

Аккорд не ответил. Но Рё вдруг понял: сегодня что-то случится. Что-то, что изменит всё.

Он открыл глаза. Пошёл дальше.

За спиной осталась коммуналка. Впереди – консерватория, музыка и запах кофе у метро.

Где-то там, в городе, кто-то пил раф с корицей и спорил с бариста о правильных названиях.

Рё ещё не знал, что через час её увидит.

Но аккорд уже знал.

Глава 2. Аккорд в очереди за кофе

Метро на «Кропоткинской» пахло весной.

Рё не знал, как это объяснить – пахло не сыростью и не бетоном, а чем-то сладким, как будто сама земля под асфальтом вспомнила, что когда-то была живой. Он стоял на эскалаторе, сжимая в руке рюкзак с нотами, и слушал тишину.

Аккорд не уходил.

Тот самый – новый, незнакомый, который зазвучал в голове на полпути к станции. Он вибрировал где-то между ушами, как струна, которую тронули и забыли. Рё не мог его определить. Не до-мажор. Не соль-минор. Что-то между. Что-то ещё не рождённое.

Кто ты? – снова спросил он мысленно.

Аккорд молчал. Но не исчезал.

Наверху, у выхода из метро, стоял обычный московский апрель – холодный, серый, с ветром, который забирался под свитер и щипал шею. Рё запахнулся, поправил очки (стекла запотели от перепада температур) и пошёл в сторону консерватории.

Он любил этот маршрут. Большая Никитская, старые дома с лепниной, арбатские переулочки, где время застыло где-то в девятнадцатом веке. Москва была для него городом контрастов – огромным, шумным, странным. Но по утрам, когда солнце вставало над куполами и машины ещё не заполнили улицы, она становилась почти нежной. Почти родной.

Он зашёл в кофейню у консерватории – маленькую, с вечно запотевшими окнами, где подавали лучший раф в округе. Рё не особенно любил кофе. Но здесь было тепло. И здесь можно было посидеть перед занятиями, посмотреть на ноты, собраться с мыслями.

Очередь была небольшой – три человека. Рё встал в конец, достал телефон, сделал вид, что читает. На самом деле он слушал аккорд.

– ... Ну не называть же это «кофе для тех, кто не любит кофе»? Это сексизм!

Голос был громким, весёлым, с хрипотцой. Женским. Рё поднял глаза.

Девушка стояла у стойки, повернувшись к бариста. На ней было лёгкое пальто – не по погоде, распахнутое, из-под него виднелся длинный свитер, и волосы русые, распущенные, падали на плечи. Она держала чашку двумя руками и спорила.

Рё смотрел на неё и не понимал, почему не может отвести взгляд.

– Сексизм? – переспросил бариста, молодой парень с серёжкой в ухе. – Это просто шутка.

– Шутка, которая воспроизводит паттерн, – отрезала девушка, но глаза улыбались. – Ладно, чёрт с ним. Спасибо.

Она повернулась, чтобы уйти, и увидела Рё.

Он стоял в трёх метрах. Смотрел на неё. Не моргал.

И в этот момент аккорд в его голове зазвучал в полную силу.

Рё никогда не слышал ничего подобного. Это был не один звук – это была целая гармония, слоистая, сложная, как поздний Скрябин. Нижние ноты гудели, тяжёлые, как земля. Верхние – прозрачные, как стёкла, которые вот-вот разобьются от одного прикосновения.

И между ними – пауза. Дрожащая. Живая.

Мир качнулся.

На секунду – всего на секунду – Рё перестал видеть кофейню.

Он увидел сад. Ветки сакуры, склонённые под тяжестью розовых лепестков. Тропинку, выложенную камнем. Старый фонарь в японском стиле – железный, с бумажным абажуром, который мягко светился в сумерках.

И её.

Она стояла под деревом в кимоно. Тёмно-синем, с белыми цветами – точь-в-точь как у официантки в ресторане, в который Рё заходил раз в год. Волосы были убраны, в них блестела

шпилька – черепаховая, с крошечными колокольчиками. В руке – круглый зонт из промасленной бумаги, расписанный ветками сакуры.

Она повернула голову.

Лицо Веры – русское, с острыми скулами и серо-зелёными глазами – осталось прежним. Но было в этом лице что-то другое. Внутреннее. То самое *као*.

Она смотрела прямо на Рё.

Улыбалась.

Мир качнулся снова.

– Вы в порядке?

Голос был уже настоящим, не из видения. Рё моргнул.

Кофейня. Стойка. Запотевшие окна. Девушка с русой головой стояла перед ним, наклонив голову, и смотрела с беспокойством.

– Вы какой-то бледный, – сказала она. – Вам плохо?

– Нет, – ответил Рё. Голос прозвучал хрипло, как будто он не говорил несколько дней.

– Всё хорошо. Я... задумался.

– А, – девушка улыбнулась. – Философ? Или музыкант?

Рё показал на рюкзак, из которого торчали ноты.

– А, – повторила она, и улыбка стала шире. – Точно. У вас руки. Красивые. Пианист?

– Да.

– Я так и знала. У пианистов особенные пальцы. – Она посмотрела на его руки, потом снова на лицо. – Я Вера.

– Рё.

– Рё, – повторила она, пробуя на вкус. – Японское? Вы из Японии?

– Из Киото.

– Ого. – Она присвистнула. – Далеко. И что вы делаете в Москве?

– Учусь. Консерватория.

– Гениально. – Вера сделала шаг назад, освобождая дорогу к стойке. – Не буду мешать.

Приятно было познакомиться, Рё из Киото.

Она хотела уйти. Рё смотрел на неё, и всё внутри него кричало: *скажи что-нибудь! скажи! не дай ей уйти!*

– Вера-сан, – вырвалось у него.

Она обернулась.

– Сан?

– Извините, – Рё покраснел. Он чувствовал, как жар поднимается от шеи к щекам. – В Японии это... вежливо. Я хотел спросить. Вы... вы часто здесь бываете?

Вера подняла бровь. На секунду Рё показалось, что она сейчас рассмеётся – не зло, а весело, как над забавным котёнком. Но она не рассмеялась.

– Бываю, – сказала она. – Я работаю в театре на «Аэропорте», неподалёку. «Сакура». Слышали?

– Нет, – честно ответил Рё. – Но теперь услышу.

Вера усмехнулась.

– Это... – Рё запнулся. Язык не слушался. Он хотел сказать что-то умное, красивое, что-то, что заставило бы её остаться ещё на минуту. Вместо этого сказал: – Я играю сегодня в консерватории. В восемнадцать. Шопена.

Вера молчала три секунды. Потом улыбнулась – той улыбкой, которую Рё запомнит навсегда: чуть грустной, чуть насмешливой, с морщинкой у левого глаза.

– Шопен, – повторила она. – Я люблю Шопена. Может быть, приду.

– Я буду играть для вас, – выпалил Рё.

И тут же испугался. Слишком громко. Слишком прямо. В Японии так не говорят. В Японии сначала смотрят, слушают, ждут. Месяцы. Годы. А он сказал на второй минуте разговора.

Вера не поняла тяжести этих слов. Для неё это был просто комплимент.

– Ого, – сказала она. – Прямо для меня? Один незнакомый Шопен для незнакомой девушки в кофейне? Вы смелый, Рё-сан.

Она произнесла «сан» с лёгким акцентом, как будто пробовала незнакомое блюдо и не была уверена, нравится ли.

– До вечера, – сказала Вера и вышла на улицу.

Дверь хлопнула. Колокольчик над кофейней звякнул.

Рё стоял у стойки, не двигаясь. Бариста кашлянул:

– Вы будете заказывать?

– Да, – сказал Рё. – Кофе. Эспрессо. Очень чёрный.

– У вас странный вид, – заметил бариста, поворачиваясь к машине. – Как будто призрака увидели.

Хуже, – подумал Рё. Я увидел её.

Он взял кофе, вышел на улицу. Ветра не было. Солнце светило прямо в глаза. И аккорд – тот самый, новый – всё ещё звучал.

Теперь у него было имя.

Вера, – повторил Рё про себя. Вера.

Он вошёл в консерваторию, прошёл в класс, поставил рюкзак на пол, сел за рояль.

Пальцы сами нашли клавиши. Он начал играть – не Шопена, не то, что было в нотах. То, что родилось только что. Короткую фразу, которая крутилась в голове.

Мелодию той женщины в кимоно под сакурой.

Он играл и не мог остановиться. Руки двигались быстрее, чем мозг успевал приказывать. Звук наполнял комнату – маленькую, с высокими окнами и портретом Чайковского на стене. Сокурсники по классу оборачивались. Педагог, пожилой профессор с седой бородой, вошёл и замер в дверях.

– Сугимото-кун, – сказал он после паузы. – Что это?

– Не знаю, – ответил Рё, не поднимая головы от клавиш. – Она пришла сама.

– Кто?

– Аккорд.

Профессор помолчал. Потом подошёл, встал за спиной.

– Играйте, – сказал он тихо. – Я послушаю.

Рё играл. Мелодия росла, ветвилась, как сакура весной. Из одной короткой фразы рождались новые, они переплетались, расходились, сходились снова. В ней были паузы – длинные, как тишина в японском саду. И взлёты – громкие, как её смех в очереди за кофе.

Когда он закончил, в классе было тихо. Профессор молчал. Другие студенты не дышали.

– Это гениально, – сказал профессор наконец. – Вы написали это сегодня?

– В моей голове, – ответил Рё. – Она пришла сегодня утром.

Профессор не стал спрашивать, кто такая «она». Посмотрел на Рё долгим взглядом – и кивнул.

– Сегодня на концерте вы сыграете это. Вместо биса.

– Но это не закончено...

– Закончите к вечеру. – Профессор улыбнулся в бороду. – Когда муза стучится, двери открывают. Даже если не готово.

Рё поклонился. Профессор вышел. Сокурсники переглянулись, но ничего не спросили.

Остаток дня Рё провёл за роялем. Не ел. Не пил. Только играл, записывал, стирал, играл снова. К вечеру мелодия обрела форму. Короткая пьеса, семь минут. Без названия.

Пока, – подумал Рё. Название придёт потом.

Он надел поправил пиджак – единственный, чёрный, купленный в Токио на выпускной, поправил галстук, посмотрел в зеркало консерваторской гримёрки. Из зеркала глядел молодой человек с уставшими глазами, длинными пальцами и аккордом, застрявшим где-то в груди.

– Ты справишься, – сказал он сам себе. – Она придёт.

Или не придёт. Он не знал.

В шесть вечера зал был полон. Рё вышел на сцену, поклонился, сел за рояль. Свет слепил. Он не видел лиц – только ряды, шёпот, кашель.

Играл Шопена. Ноктюрны, прелюдии, балладу. Пальцы помнили каждую ноту, каждую педаль. Зал затих – всегда затихал, когда он играл. Русские умели слушать.

Он закончил программу. Аплодисменты. Кланялся. Ещё аплодисменты. Вышел на бис.

Сел. Помедлил.

Потом начал играть ту пьесу. Утреннюю. Без названия.

Сначала зал не понял. Это было незнакомо. Не Шопен, не Скрябин, не Рахманинов. Что-то другое. Восточное – но не восточное. Московское – но не московское. Между.

Рё закрыл глаза и играл для неё.

Для женщины в кимоно, которую увидел на секунду.

Для смеха в очереди за кофе.

Для аккорда, который теперь бился в груди, как второе сердце.

Когда он закончил, в зале было тихо.

Потом – долгие, испуганные, благоговейные аплодисменты.

Рё открыл глаза.

И увидел её.

В третьем ряду, у прохода. В том же лёгком пальто, с распущенными волосами. Она сидела, не хлопала, смотрела на него широко открытыми глазами.

И по щеке у неё текла слеза.

Рё смотрел на неё, и аккорд в его груди затих. Не исчез – просто стал тише, как будто нашёл дом.

Вера улыбнулась сквозь слезы. Он не знал, что это значит. Но запомнил это лицо – навсегда, до мельчайших чёточек.

Потом концерт кончился. Публика пошла к выходу. Рё стоял за кулисами, сжимая в руке стакан с водой.

– Ты был великолепен.

Он поднял голову.

Вера стояла в двух шагах, за ограждением, которое отделяло сцену от зала. Её глаза были красными, но она улыбалась.

– Вера-сан, – выдохнул Рё.

– Просто Вера. – Она шагнула ближе. – Та пьеса в конце... о чём она?

Рё молчал. Язык не слушался. В голове билось единственное слово, которое он не мог произнести.

О тебе, – думал он. Вся – о тебе.

– О весне, – сказал он наконец.

– О весне? – Вера наклонила голову. – Почему же тогда она такая грустная?

– Потому что весна всегда приходит не вовремя, – ответил Рё. – То слишком рано, то слишком поздно. И никогда не знаешь, застанешь ли ты её цветение.

Вера посмотрела на него долгим взглядом. Потом сказала:

– Ты странный, Рё-сан из Киото.

– Да, – согласился он.

– Это комплимент.

Он не понял, но кивнул.

Она улыбнулась, развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь.

Рё смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью. В ушах всё ещё звенел аккорд.

Он простоял так пять минут, пока профессор не тронул его за плечо:

– Сугимото-кун, вы в порядке?

– Да, – ответил Рё. – Я просто... я сейчас приду.

Он вышел через служебный вход на улицу. Было уже темно. Фонари горели мягким жёлтым светом.

Рё достал телефон. Набрал в заметках: *Название для пьесы – «Сакура на Патриарших»*.

Не понял, почему пришли именно эти слова. Патриаршие пруды. Он там никогда не был.

Но аккорд одобритительно затих.

Рё улыбнулся – первый раз за день – и пошёл к метро.

Дома его ждали Кото-тян, шёлк на гравюре, взгляд из зеркала и ночные стуки в дверь.

Но сегодня это было неважно.

Сегодня она пришла.

Глава 3. Семь вёрст до театра

После концерта прошло три дня. Рё не видел Веру.

Это было странное время – как будто мир разделился на две части: до и после. До было серым, привычным, предсказуемым. После стало звонким, как струна, которую перетянули слишком сильно и теперь боялись, что она лопнет.

Аккорд не уходил. Он жил где-то в груди, под рёбрами, и менялся в такт её невидимому дыханию. Утром, когда Рё просыпался под крики Фёдора, аккорд был минорным, тягучим – наверное, она ещё спала и видела грустные сны. Днём, когда он играл в консерватории, аккорд становился прозрачным, почти невесомым – она, должно быть, пила кофе или спорила с кем-то о высоком. Вечером – тёплым, мажорным, как будто она улыбалась.

Я схожу с ума, – думал Рё, сидя на циновке и глядя на Кото-тян. Рисоварка тихо попискивала, переваривая утреннюю порцию. – *Я чувствую её настроение за три километра. Это невозможно.*

– Кото-тян, – сказал он вслух, – ты веришь в невозможное?

Рисоварка не ответила. Вместо неё из коридора донёсся голос Алисы:

– Рё-сан! Вы здесь? Я принесла грамоту!

Она влетела в комнату с листом бумаги в руках – бледно-голубым, с золотым тиснением. Ваня топал следом, пытаясь на ходу застегнуть сандалии.

– Третье место! – Алиса дышала так, будто пробежала марафон. – В командном зачёте! Я прыгнула выше головы, честное слово!

Рё взял грамоту, развернул. *Алиса Григорьева – 3 место в соревнованиях по спортивной гимнастике среди девушек 2012 года рождения.* Буквы были напечатаны криво, будто торопились.

– Поздравляю, – сказал Рё серьёзно. – Это великое достижение.

– Вы правда так думаете? – Алиса покраснела, как всегда, когда он её хвалил.

– Правда. – Он встал, подошёл к стене. – Я обещал повесить. Где?

– Да куда угодно! – Алиса топнула ногой от счастья. – Только не закрывайте ту женщину.

Она красивая.

Рё замер. Алиса редко заходила к нему в комнату – дети не понимали, почему у взрослого дяди нет телевизора и игрушек.

– Женщину? – переспросил он осторожно.

– Ну, на картинке. – Алиса кивнула на гравюру. – С веером. Она грустная, да?

– Почему ты думаешь, что она грустная?

– Плечи. – Алиса наклонила голову, рассматривая гравюру сквозь полупрозрачный шёлк.

– Когда человек грустит, плечи вот так опускаются. Как будто весь мир на них лежит.

Рё смотрел на девочку и не знал, что сказать. Ей было тринадцать. Она прыгала через козла, занимала третьи места и видела грусть там, где он видел только красоту.

– Ты права, – сказал он тихо. – Она грустная. Но это не вся правда. Она ещё ждёт.

– Кого?

– Того, кто придёт.

Алиса подумала. Потом улыбнулась своей широкой, немного неуклюжей улыбкой и сказала:

– Как вы. Вы тоже ждёте, да, Рё-сан?

Он не ответил. Прикрепил грамоту на стену – аккуратно, двумя булавками, чтобы не помять. Теперь в комнате было два изображения: гравюра Утамары под шёлком и бледно-голубой лист с кривыми буквами. Странное соседство. Но правильное.

– Спасибо, что повесили, – сказала Алиса. И убежала, утащив за собой Ваню.

Рё остался один. Снял шёлк с гравюры, посмотрел на женщину с веером. В зеркале напротив – взгляд на затылок. Аккорд затих – наверное, Вера сейчас была далеко.

Он закрыл гравюру, повернулся к Кото-тян, доел рис.

И тут телефон завибрировал.

Необычное уведомление – не от профессора, не от Алисы – она отправляла ему смайлик с прыгающей девочкой, а от незнакомого имени.

Вера Никитина. Сообщение в мессенджере.

Рё смотрел на экран пять секунд, не дыша. Потом открыл.

«Рё-сан! Привет! Я нашла вас через группу консерватории. Надеюсь, это не наглость. У нас в театре проблема. Ставим японскую драму, но никто не знает, как сидеть на коленях, как держать веер, как кланяться по-настоящему. Режиссёр звереет. Я подумала – вы же японец. Может быть, поможете? Платить нечем (театр маленький, сами еле сводим концы), но накормим пищей и будем вечно благодарны. Если согласны – напишите. Если нет – извините за беспокойство :)»

Рё перечитал три раза. Потом четвёртый – медленно, вчитываясь в каждое слово, в каждую запятую. Её голос слышался между строк: насмешливый, тёплый, немного смущённый.

Он писал ответ целую минуту. Стёр, написал заново. Стёр снова. В итоге оставил коротко:

«Да. Когда?»

Ответ пришёл через десять секунд.

«Ого, быстро! Сегодня в семь, если сможете. Театр „Сакура“, станция метро „Аэропорт“, дальше пешком семь минут. Там во дворе, вывеска с сакурой. Не потеряетесь?»

«Не потеряюсь», – ответил Рё.

И добавил – после долгой паузы:

«Я приду».

В шесть вечера он вышел из дома.

Москва была серой, апрельской, с ветром, который гнал по асфальту прошлогодние листья. Сакура ещё не цвела – ни в парках, ни в ботанических садах. Но воздух уже пах по-другому: остро, свежо, как будто кто-то разбил флакон с чем-то зелёным и горьким.

Рё ехал в метро, держась за поручень, и смотрел на людей. Москвичи в час пик не улыбались. Они читали телефоны, дремали, спорили вполголоса. Одна женщина плакала, отвернувшись к стене – без звука, только плечи дрожали.

Плечи, – подумал Рё. – *Алиса права. По плечам всё видно.*

Он вышел на «Аэропорте», нашёл нужную улицу, свернул во двор. Театр «Сакура» оказался в старом здании с облупившейся лепниной – бывший кинотеатр, бывший склад, бывшее что-то ещё. Вывеска с розовой сакурой висела криво, подсветка не работала.

Рё постоял секунду, собираясь с духом. Потом толкнул дверь.

Внутри пахло пылью, деревом и театром – особым, ни на что не похожим запахом, в котором смешивались старые костюмы, краска для декораций и зрительские духи, вьёвшиеся в кресла за десятилетия.

– Рё-сан!

Она бежала по коридору – в джинсах, растянутом свитере, с блокнотом в руках. Волосы были собраны в хвост, и одна прядь выбилась, падала на лоб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.